

П.Ф. Булацель

Борьба за правду

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 340
ББК 67.0
П11

П11 **П.Ф. Булацель**
Борьба за правду: Том 2 / П.Ф. Булацель – М.: Книга по Требованию, 2017. – 154 с.

ISBN 978-5-518-06097-5

ISBN 978-5-518-06097-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Спасайте русскій языкъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Языкъ и нравы.

Между языкомъ и нравами народа существуетъ несомнѣнно тѣсная связь. Однако опредѣлить законы ихъ взаимоотношеній чрезвычайно трудно. Страстное краснорѣчіе нуждается въ пищѣ, какъ огонь, поэтому при спокойномъ твердомъ правленіи негдѣ развернуться сильному ораторскому таланту; между тѣмъ литературные таланты, наоборотъ, особенно развивались подъ покровительствомъ великихъ самодержавныхъ властителей. Упадокъ нравовъ въ современной Европѣ отразился на современной литературѣ весьма губительно, тогда какъ упадокъ нравовъ въ Римской имперіи наоборотъ сопровождался поразительнымъ расцвѣтомъ литературы и словесности.

Вѣкъ развращенныхъ Клеопатры, Мессалины, Агриппы младшей, знаменитой отравительницы. Лакусты былъ въ то же время вѣкомъ Цицерона, Тацита, Плинія и Квинтилиана.

На ряду съ Нерономъ и Каракалою, на ряду съ Агриппиною младшею и матерью Каракалы, жестокою Юліею Домною, лѣтописи Тацита и письма Плинія оставили человѣчеству на вѣчныя времена изображение такихъ благородныхъ, самоотверженныхъ женщинъ, какъ жена Германпка Агриппна старшая и жена Плинія младшаго Кальпурнія, къ которымъ въполнѣ примѣнимы чудные стихи Некрасова, относящіеся къ женѣ декабриста княгини Трубецкой:

«Нѣтъ, я не жалкая раба,
Я женщина, жена».

Вѣрная подруга Плинія, его жена Кальпурнія въ вѣкъ рабства могла смѣло сказать про себя, какъ княгиня Трубецкая: «нѣтъ, я не жалкая раба, я женщина—жена».

Домъ Плинія представлялъ изъ себя постоянное собраніе лучшихъ людей того времени. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ Плиній былъ проникнутъ горячею любовью къ благороднымъ поступкамъ, къ поэзіи, словесности и ораторскому искусству. Первые успѣхи его на жизненномъ поприщѣ были поистинѣ изумительны. На четырнадцатомъ году отъ рожденія онъ написалъ свою первую весьма изящную греческую трагедію, девятнадцати лѣтъ сдѣлался адвокатомъ, а черезъ десять лѣтъ имя его гремѣло уже по

всей Римской имперіи, какъ выдающагося оратора и писателя. Лучшіе наиболѣе образованные люди той эпохи считали Плинія въ числѣ своихъ друзей. Первые годы юности Плинія были годами безконечныхъ государственныхъ бѣдствій и ужасовъ, когда неистовства Нерона достигали самыхъ невероятныхъ размѣровъ.

Но необходимо отмѣтить странное явленіе, обратное тому, что происходило въ современной намъ Европѣ.

Чѣмъ больше неистовствовали и развратничали стоявшіе во главѣ управленія, тѣмъ сильнѣе и чище звучалъ голосъ ораторовъ въ судахъ, на форумѣ и въ сенатѣ, а люди, причастные къ литературѣ, стремились во всѣхъ своихъ произведеніяхъ бичевать пороки и облагораживать нравы. Поклоненіе всему пышному и прекрасному было доведено въ римской литературѣ до такого совершенства, что и нынѣ, черезъ двѣ тысячи лѣтъ, нельзя безъ восхищенія читать сочиненія Плинія, Квинтилиана, Петронія и Тацита. *Мудрые государственники римляне понимали, что ничто такъ не губитъ государственность, какъ публичное восхваленіе преступленій и разврата.* Поэтому, давая полную свободу гражданамъ жить, какъ имъ хочется, римскіе законодатели строго преслѣдовали не только публичное восхваленіе разврата, но даже сатиры, могущія пачкать воображеніе. Лабіанусъ, вызвавшій своими ѣдкими сатирами законъ, въ силу котораго вредныя книги сжигались, лишилъ себя жизни, огорченный тѣмъ, что его сочиненія подверглись сожженію.

Любовь къ словесности, къ изящной литературѣ и къ ораторскому искусству пересплывала въ образованномъ классѣ римскихъ гражданъ всѣ другія увлеченія.

На ряду съ жестокими нравами, допускавшими избіеніе христіанъ въ Коллизеѣ, на ряду съ вѣтренностью и непостоянствомъ римскихъ императоровъ, на ряду съ жестокостью Нерона, Калигулы, Каракалы, Домпціана и Геліогобала, исторія сохранила намъ трогательныя проявленія дружбы, благородства и безграничнаго самоотверженія, до котораго едва ли въ состояніи подняться современные европейцы. Эти прекрасныя душевныя качества великихъ римлянъ изобразилъ Байронъ въ своемъ «Неронѣ»:

«Когда въ силу самаго справедливаго приговора судьбы, какой когда-либо поражалъ злодѣя, палъ великій Неронъ, говорятъ, чья-то неизвѣстная рука осыпала его могилу цвѣтами: слабость благодарнаго сердца, успѣвшаго замѣтить минуты человѣчности, промелькнувшія среди упоенія власти даже въ такомъ извергѣ, какимъ былъ Неронъ».

Описывая въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Липиду личность своего врага, адвоката Регула, Плиній вспоминаетъ ѣдкое изреченіе Катона, ненавидѣвшаго пустыхъ болтуновъ: «ораторъ—это дурной человѣкъ, не смѣющій дара слова».

Посѣщая нашу вторую и третью Государственную Думу, я часто съ горечью вспоминалъ это изреченіе Катона и съ тоскою вопрошалъ судьбу, что станетъ съ русскимъ языкомъ Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева и Гончарова, если отъ членовъ Государственной Думы и Государственного Совѣта не будетъ требоваться основательное знакомство съ государственнымъ языкомъ,—прежде, чѣмъ допускать ихъ къ разыгрыванію роли русскихъ законодателей.

Въдѣ это вопросъ огромной государственной важности. Народъ, который не сумѣетъ сохранить чистоты своего языка въ

судъ, въ школы и даже въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, такой народъ обреченъ на скорбную участь пережить славу своихъ предковъ.

Нельзя отрицать, что многіе инородцы, въ особенности поляки, іудеи и грузины, говорятъ съ большимъ воодушевленіемъ, многіе изъ нихъ одарены природнымъ ораторскимъ талантомъ, какъ, напримѣръ, Грузенбергъ, Волькенштейнъ, Гольдштейнъ и Гегечкори; но отвратительный выговоръ, злоупотребленіе иностранными словами, а главное ненависть ихъ ко всему русскому—не позволяютъ имъ сдѣлаться русскими Демосоенами. Въ маленькихъ душныхъ залахъ, въ польскихъ столовыхъ или кавказскихъ погребкахъ эти инородческіе ораторы задыхаются, ихъ краснорѣчіе въ тѣсномъ замкнутомъ пространствѣ смолкаетъ; а когда они выступаютъ въ Государственной Думѣ или въ русскихъ судахъ, гдѣ открывается широкое поле для примѣненія ихъ ораторскаго таланта, они становятся на узко-партийную почву и губятъ свой природный даръ въ чаду безумной ненависти къ Русскому государству, которое изъ маленькихъ полудикихъ племенъ создало величайшую въ мірѣ Имперію.

Талантливость человѣка исчерпывается не столько количествомъ и качествомъ дарованій, сколько способами и умѣньемъ ими пользоваться. Оттого высокодаровитый человѣкъ можетъ потерять свой талантъ, не сумѣвъ съ нимъ справиться. *Наши инородцы, избалованные нашею русскою снисходительностью, не стараются совсѣмъ изучать въ совершенствѣ русскую словесность и литературу.*

Въ балтійскихъ окружныхъ судахъ мнѣ приходилось слышать такое отчаянное коверканье русскаго языка, съ которымъ можетъ примириться только русская незлобность и безграничное добродушіе. Но съ увѣренностью можно утверждать, что не только англичане и нѣмцы, но даже французы и итальянцы никогда не допустили бы инородцевъ въ сословіе адвокатовъ до тѣхъ поръ, пока эти инородцы не изучили бы въ совершенствѣ государственный языкъ. Между тѣмъ у насъ въ Россіи изъ дня въ день въ залахъ судебныхъ установленій, въ земскихъ собраніяхъ, въ городскихъ думахъ и, наконецъ, въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ—въ Государственномъ Совѣтѣ и Государственной Думѣ раздаются чудовищныя рѣчи, извращающія русскую словесность, низводящія чудный языкъ Пушкина и Гончарова на степень какого-то «воляпюка»... А про газеты и говорить нечего. Пушкинъ въ 1821 году говорилъ, что «свѣтъ не караетъ заблужденій, но тайны требуетъ для нихъ»... Теперешніе писатели наоборотъ стремятся восхвалять безъ всякой тайны все, что достойно осужденія.

Чувство омерзенія и досады при чтеніи современныхъ газетъ неизбежно охватываетъ тѣхъ русскихъ людей, которые дорожатъ чистотою русскою рѣчи и нравовъ. Какая смѣсь варѣчій, какой ужасный слогъ, какая пошлая подражательность такъ называемому научному языку... Съ развитіемъ знаній искусство ясно и точно выражать свои мысли должно было бы сдѣлать также успѣхи; а между тѣмъ въ настоящее время уже не подлежитъ сомнѣнію, что самыя свѣтлыя, самыя славныя страницы въ исторіи краснорѣчія принадлежатъ не настоящему, а давно прошедшему времени. Такихъ рѣчей, какія произносилъ Демосоевъ за триста пятьдесятъ лѣтъ до Рождества Христова, не произносили ни графъ Мирабо, ни Гладстонъ, ни Питъ, ни Бисмаркъ, ни Жересъ, ни нашъ выдающійся конституціонно-самодержавный ораторъ покойный П. А. Столыпинъ. До насъ не дошла цѣлкомъ

подлинная рѣчь Демосфена о золотомъ вѣнкѣ, но и по отрывкамъ ея можно судить о ея великолѣпіи. Въ этой рѣчи Демосфенъ побѣдилъ своего соперника Эсхина, который съ горя и досады послѣ этого покинулъ Аѳины и удалился въ Родосъ, гдѣ основалъ школу ораторскаго искусства. Однажды Эсхинъ наизусть воспроизводитъ предъ своими учениками рѣчь Демосфена о золотомъ вѣнкѣ. Ученики пришли въ неописанный восторгъ. Со слезами на глазахъ они бросились къ учителю и начали его обнимать и цѣловать его руки, но Эсхинъ съ горечью воскликнулъ: «что бы съ вами произошло, если бы вы слышали, какъ само животное произнесло эту рѣчь!» Такая искрення похвала изъ устъ смертельнаго врага—есть неотразимое доказательство таланта Демосфена.

Въ настоящее время выдающіеся историческіе ораторы появляются очень рѣдко. За всѣ средніе вѣка исторія сохранила намъ имя лишь одного народнаго трибуна Коло-де-Ренци, а въ древней Греціи и Римѣ каждый средній ораторъ обладалъ такой силой слова, какой едва ли обладаютъ самые извѣстные современные адвокаты... А между тѣмъ повседневная жизнь требуетъ на каждомъ шагѣ умѣнія говорить публично. Но хотя многіе по самому своему общественному положенію должны были бы обладать даромъ слова, однако на одного сколько-нибудь свснаго оратора приходится сотни такихъ, которые положительно не умѣютъ связно сказать даже нѣсколько словъ.

Стыдно и досадно становится за нашихъ судебныхъ и административныхъ чиновниковъ и даже адвокатовъ, изъ которыхъ одни не обладаютъ плавностью рѣчи, запкаются, ищутъ словъ, не находя ихъ для выраженія своихъ мыслей; другіе страдаютъ многословіемъ и бормочутъ свои рѣчи невнятно, однообразно, наводя тоску и сонливость на слушателей. Такое жалкое состояніе современнаго краснорѣчія зависитъ отъ того, что на искусство хорошо говорить смотрятъ, какъ на исключительно природный даръ, и ничего рѣшительно не предпринимаютъ для усвоенія краснорѣчія учащеюся молодежью. Между тѣмъ искусство начинается именно тамъ, гдѣ слабые теряютъ увѣренность въ своихъ силахъ и охоту работать.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Иностранцы и газеты. Главные виновники порчи русскаго языка.

Но еще болѣе виноваты въ упадкѣ нашей русскаго рѣчи иностранцы, наводнившіе Россію своими представителями. Всюду въ судахъ и въ общественныхъ собраніяхъ разглагольствуютъ господа съ польскимъ, еврейскимъ и чухонскимъ произношеніемъ. Они не только коверкаютъ окончанія словъ и ударенія, но и придумываютъ совершенно несуществующія въ русскомъ словарѣ слова. Такъ, напримѣръ, они изобрѣли слово «бламировать» вмѣсто словъ «хулить» и «стыдить», слово «бисспровать»—вмѣсто «повторить», «кюпировать» — вмѣсто «урѣзать». «Радикальные» адвокаты придумали новое слово «подзащитный» вмѣсто «подсудимый»... Не знающіе русскаго словесности «радикальные» обновители судебного краснорѣчія не подозреваютъ даже, сколь бессмысленно и безграмотно придуманное ими новое словечко «подзащитный»... *Защитный* означаетъ *защищающій*,—напри-

мѣръ, защитный портъ или защитный рейдъ. Между тѣмъ подсудимые никого не защищаютъ въ судѣ, а наоборотъ сами нуждаются въ защитѣ, поэтому переименованіе «подсудимыхъ» въ «подзащитныхъ» могло имѣть мѣсто только вслѣдствіе поразительнаго невѣжества и полной безграмотности нашихъ радикальныхъ юристовъ... Но чему же удивляться, когда нашу адвокатуру и профессуру наводнили всякіе Гримы, Петражицкіе, Гольдштейны, Гессены, Трахтеревы, Грузенберги, Винаверы и прочіе представители іудейскаго племени? Нѣкоторые изъ этихъ ораторовъ обладаютъ несомнѣннымъ даромъ краснорѣчія, но чудовищное самомнѣніе заставляетъ ихъ зарываться, и въ погоню за краснорѣчивостію они совершаютъ непростибельныя преступленія противъ законовъ русской словесности. Когда же іудеи начинаютъ подлаживаться подъ простонародный русскій языкъ, тогда ихъ рѣчи и писанія становятся прямо отвратительны. Вотъ образецъ русскаго слога сотрудника «Биржевыхъ Вѣдомостей», подписывающагося фамиліею «Смоленскій»: «Быть, бытовое, всѣ эти маленькія *подмѣчанія*, дѣйствительно дающія живую жизнь,—и есть лучшее въ пьесѣ Плещеева»... (см. «Бирж. Вѣд.» 17 янв. 1911 г.). Читая эти строки, не знаешь, жалѣть ли русскаго писателя Плещеева, на долю котораго выпало счастье быть разбѣраемымъ «Смоленскимъ», или жалѣть самого «Смоленскаго», который, стараясь щегольнуть русскими словечками, нашелъ у Плещеева какія-то «*подмѣчанія*» и увѣряетъ, что лучшее въ пьесѣ Плещеева и «есть эти *подмѣчанія*, дающія живую «жизнь»... Часто въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» и «Петербургской Газетѣ» встрѣчаются такіе перлы краснорѣчія, что прямо хотъ святыхъ вонъ выноси. Газета г. Худекова дошла до того, что однажды сообщила, что у графини Х. «*дансантиный* вечеръ очень удался». Даже талантливые писатели «Новаго Времени» и тѣ не чужды этого страннаго порока замѣнять безъ всякой нужды русскія слова иностранными,—напримѣръ, воздухоплаваніе называютъ «авіаціоннымъ искусствомъ»; слово «подводная лодка» замѣняютъ непонятнымъ русскому народу словомъ «субмаринка». Не проще ли было бы ввести въ обращеніе слово «подводка»? Ясно, точно и вполне современно. Лодки эти ходятъ подъ водою и къ тому же «подвели» русскія морскія силы въ послѣднюю японскую войну.

До какой степени современные писатели коверкаютъ русскій языкъ, наводятъ русскую рѣчь иностранными словами и договариваются до полной бессмыслицы, можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ: въ газетѣ «Современное Слово» 20 августа 1908 года по дѣлу генерала Толмачева и одесскихъ профессоровъ читаемъ:

«Не имѣется ли въ виду на постановленіяхъ миссіонерскаго съѣзда урегулировать конституціонную бухгалтерію, сбалансировавъ либеральный активъ пассивомъ въ области свободы совѣсти?» Написавъ такую чепуху, аптекарскій ученикъ «Современнаго Слова» мыптъ себя великимъ писателемъ, равнымъ чуть ли не Гоголю.

Въ № 7602 газеты «Одесскія Новости» въ пятидесяти пяти коротенькихъ строчкахъ встрѣчаются слѣдующія иностранныя слова:

«реально-маниакальный утопизмъ»,
«эволюція гипотетической позиціи»,
«этапы прогресса»,
«энциклопедизмъ»,

«иниціатива» и, конечно, неизбежное въ каждой іудейской семьѣ излюбленное слово «интеллигентный».

Большая газета «Кіевская Мысль», редакція которой кишитъ всевозможными адвокатами и аптекарскими помощниками изъ «гонимаго» племени, изобрѣтаетъ совершенно новыя безобразныя слова, которыхъ не существуетъ вовсе ни въ одномъ нарѣчїи. Такъ, напримѣръ, въ № 108 отъ 19-го апрѣля 1908 года въ «Кіевской Мысли» можно найти удивительныя перлы аптекарскаго краснорѣчія. Въ статьѣ подъ заглавіемъ «Къ дѣламъ господина Харитоненки» встрѣчается такая фраза:

«Векселя учтены въ банкахъ, *продлонжировавшихъ* ихъ сроки».

И этотъ безобразный галицизмъ придуманъ, вѣроятно, еврейчикомъ, хотѣвшимъ щегольнуть своимъ знаніемъ французскаго языка, а между тѣмъ вмѣсто длинной и непонятной фразы: «банки продлонжировали сроки векселей», гораздо проще было написать по-русски: «банки отерочили векселя». Но современные полуписатели и полуученые не любятъ простыхъ русскихъ словъ. Членъ Госуд. Думы Родичевъ въ своей рѣчи 29 ноября 1910 г. въ Госуд. Думѣ сказалъ: «если правительство будетъ *«солидаризироваться»* съ рѣчью предыдущаго оратора»... Для русскихъ людей съ развитымъ слухомъ выраженіе «оратора» Родичева въ родѣ «солидаризироваться» столь же противны, какъ *визгъ розги*, о которой въ этой своей рѣчи 29 ноября 1910 года говорилъ Родичевъ... Но свѣтила кадѣкскаго прогресса любятъ барахтаться и нѣжиться въ окрошкѣ изъ иностранныхъ словъ, и всѣ ихъ ораторы и писатели тонутъ въ самыхъ высокопарныхъ выраженіяхъ.

У кадѣкскихъ языковѣдовъ глаза «замстило», выражаясь толстовскимъ языкомъ, а потому языкъ фабрично-прогрессивнаго производства вытѣснилъ всякое представленіе о красивой народной рѣчи, которую, какъ рѣдкое лакомство, развѣ услышишь въ разговорѣ съ простымъ крестьяниномъ Тульской, Тверской и Московской губерній. Но въ городахъ русскаго языка уже почти не существуетъ, онъ вытѣсненъ газетнымъ жаргономъ. Вотъ образчикъ передовой статьи изъ кадѣкской стряпни:

«Мы — объекты манипуляцій отечественныхъ магнетизеровъ. Пате-тическій возгласъ самоаттестации и критическій разумъ засыпаетъ. Мы слѣпо идемъ за тѣмъ, кто окруженъ ореоломъ офиціозной авторитетности. *Гаснутъ свѣты новаторства*; притупляется одаренность, и безсильно складываются крылья и угасаетъ *изъ нутра рожденный порывъ*»...

Да поскорѣе бы ужъ погасли такіе «свѣты новаторства». Поневолѣ «притупится всякая одаренность», когда въ печати, въ литературѣ, въ театрѣ, въ судахъ и въ Государственной Думѣ раздаются рѣчи «о *рожденномъ изъ нутра порывѣ*, о манипуляціи отечественныхъ магнетизеровъ и о солидаризированіи правительства». Хуже «манипуляцій» нельзя придумать, какъ тѣ, которыя продѣлываются надъ русскими читателями іудейскими писателями. Къ сожалѣнію, даже въ народныя русскія газеты проникаетъ бердячевскій жаргонъ, и меня не разъ приводилъ въ отчаяніе слогъ Николая Ивановича Еремченка, ведущаго въ «Русскомъ Знамени» обзоръ печати.

Въ «Русскомъ Знамени» г. Еремченко тоже слишкомъ злоупотребляетъ иностранными словами. Въ своей статьѣ «Бита» 3 апрѣля 1911 года г. Полтавецъ, онъ же Еремченко, навизываетъ одно за другимъ столько иностранныхъ словъ, что получается какаля-то окрошка изъ непонятныхъ для простаго народа и совсѣмъ лишняхъ для образованнаго читателя ложно-научныхъ выраженій.

Вотъ выписка изъ писаній Полтавца:

«Предотвратить «крушеніе цѣлаго міра»... конституціонныхъ, новорежимныхъ, прогрессивныхъ, *прецедентныхъ* понятій; санкціонировать прогрессивное, новорежимное, конституціонное «пониманіе государства и государственности»; направить, продвинуть *всѣмъ напряженіемъ наличныхъ силъ* Россію отъ «поворотнаго пункта» по новорежимному пути къ конституціоннымъ «благамъ»,—вотъ онѣ, тѣ директивы, которыя воспріялъ авторитетный государственный мужъ отъ вдохновителей псевдо-русскаго оппозиціонно настроеннаго общества».

Не правда ли, какъ это ясно и понятно?

Языкъ Пушкина и Тургенева обновляется нынѣ кievскими, бердичевскими и другими «европейскими» новаторами, при помощи «рожденнаго ими изъ нутра порыва» подобно тому, какъ городскія и земскія самоуправленія, созданныя Милутинымъ, Ростовцевымъ, Замятинымъ, Семеновымъ, Ланскимъ, обновляются при помощи обрѣтенныхъ въ Ковенской и Саратовской губерніяхъ польскихъ іудеевъ Кноля, Немировскаго, Пшерадскаго, Кальмановича и К^о.

Намъ обѣщали три года тому назадъ, что мы скоро увидимъ чудное, свѣтлое, обновленное зданіе русской государственности, котораго еще не видно изъ-за лѣсовъ: но увы, теперь это обновленное зданіе уже вырисовалось вполне опредѣленно, и только глупцы могутъ еще не понять, что надъ зданіемъ Русскаго государства хотятъ продѣлать ту же «манпуляцію», которую «Кіевскія Мысли», «Одесскія Новости» и «Рѣчь» продѣлываютъ надъ русскимъ языкомъ...

Извѣстный литературный критикъ Буренинъ отъ времени до времени ядовито высмѣиваетъ въ «Новомъ Времени» современныхъ писателей, коверкающихъ русскій языкъ; но какая отъ этой критики польза, когда теперь, по словамъ Буренина, «изъ всѣхъ норъ литературы лѣзутъ «одесспизмы», когда на всѣхъ ея граняхъ стерта «черта осѣдлости», когда писатель не отличаетъ родительнаго падежа отъ винительнаго, когда *жидѣ* превратилъ русскую книжную рѣчь въ международный воровской жаргонъ»...

Разсматривая произведенія Куприна, Буренинъ съ горечью утверждаетъ, что Купринъ совершенно ожидовѣлъ и что, читая Куприна, мы должны стыдиться за соотечественника, стыдиться за родное слово: нечистоплотность Куприна, его *нерадѣніе* къ языку не поддаются описанію,—это нужно сказать громко и прямо. Купринъ пишетъ: «вернулся почти оглохшій, *благодаря осколку бомбы*» (не стоитъ благодарности!); «свѣчи, *несмотря* на открытыя окна, горѣли»; «*напавъ на нить* брачныхъ исторій; прелесть *заключалась* въ улыбкѣ»; «*что касается Вѣры*»; «гроздья, *издававшія запахъ*» (совсѣмъ по-жидовски!); «клумбы *имѣли безпорядочный видъ*» (тоже); «гораздо больше *предѣловъ*» (тоже); «Анна *вся состояла* (!) изъ безалаберности и противорѣчій»; «черты (въ характерѣ), *состоявшія* изъ...»; «*вдругъ рѣзко* и совсѣмъ *нежданно*» (тавтологія). Кто чувствуетъ духъ языка, кому претятъ трюизмы, тотъ безъ особенныхъ разъясненій разберется въ ошибкахъ и неосмотрительности Куприна.

Затемняющая смыслъ архитектура словъ, шероховатости, повторенія, обиліе пустыхъ, незначительныхъ словъ—все это обычно для современнаго литературнаго языка; но Купринъ «идетъ дальше» и низводитъ этотъ обычный языкъ на степенъ сквернѣйшаго воляюка и безцвѣтной «письменной» рѣчи».

Порча русскаго языка современными газетными писаками особенно сильно проявляется въ лѣвыхъ газетахъ; но, къ сожалѣнію, и правыя газеты уже поддались вліянію жидовскаго жаргона, и присяжные писатели «Русскаго Знамени» Богдановъ и Н. П. Еремченко, онъ же Полтавецъ, не уступаютъ масонамъ и каэкамъ по части искаженія русскаго языка. Въ номерѣ 170 «Русскаго Знамени» въ статьѣ «Вниманію Кривошеина» про главноуправляющаго земледѣліемъ между прочимъ говорится, что поведеніе его *«эквивалентно сидѣнію между двухъ стульевъ»*.

Не проще ли было бы написать: *равносильно сидѣнію между двухъ стульевъ?*

Но писатели «Русскаго Знамени» любятъ щегольнуть предъ своими читателями мудреными иностранными словечками, смыслъ которыхъ большинству подписчиковъ вовсе не понятенъ.

Такая погоня за «ученоглупыми» словами приводитъ къ очень смѣшнымъ приключеніямъ. Вскорѣ послѣ того, какъ въ номерѣ 170 была помѣщена вышеупомянутая статья о г. Кривошеинѣ, мнѣ пришлось разговаривать на югѣ Россіи съ однимъ изъ предсѣдателей сельскаго подотдѣла союза русскаго народа. Собесѣдникъ мой очень негодовалъ на то, что отставной «вождь» Дубровинъ ссорится и *ругается* со всѣми другими «вождями» союза русскаго народа.

«Помилуйте, одинъ срамъ, вѣдь Дубровинъ и графъ Коновницынъ стали просто *эквивалентами*!». «Что это значитъ «эквивалеты»?—спросилъ я. А то, отвѣчалъ мнѣ мужичекъ, что «если одинъ въ одну сторону, такъ другой сейчасъ въ другую сторону, аки валеты». Вотъ къ чему приводятъ дежурящіе при Дубровинѣ псказители русскаго языка. Поочередно при немъ состояли то Прусаковъ, то Катанскій, то Красильниковъ, то Васильевъ, то Еремченко, которые усердно ссорили его со всѣми выдающимися правыми дѣятелями, со всѣми порядочными самостоятельными людьми—и въ концѣ концовъ изъ вождя союза превратили его въ *«эквивалета»*! Въ номерѣ 180 «Русскаго Знамени» 13 августа 1911 г. Н. П. Еремченко, онъ же Полтавецъ, увѣряетъ, что «Русское Знамя»—единственная народная *мужицкая* газета, *считающаяся* единственно съ тѣмъ, что думаетъ сѣрый православный народъ, а до остальнаго Дубровинской газетѣ нѣтъ дѣла. «Русское Знамя» работаетъ только для сѣрыхъ некультурныхъ, необразованныхъ людей».

Прочитавъ это заявленіе Н. П. Еремченка, расписывающагося всюду, даже въ Русскомъ Собраніи прозвищемъ «Полтавецъ», и сопоставивъ это увѣреніе г. «Полтавца» съ вычурнымъ слогомъ, которымъ пишетъ самъ Еремченко-Полтавецъ, нанизывающій по двадцати пяти иностранныхъ словъ въ каждомъ предложеніи, невольно задаешься вопросомъ: съ какою цѣлью онъ пишетъ такую галиматью? Неужели онъ не понимаетъ, что такими похвалами онъ роняетъ и высмѣиваетъ газету, которая до него дѣйствительно была русскою народною газетою, пзбѣгавшею «декадентства»? Неужели же Н. П. Еремченко въ самомъ дѣлѣ воображаетъ, что сѣрый русскій народъ можетъ понять, напримѣръ, слѣдующіе перлы писательскихъ упражненій «Полтавца»: «мы терпѣливо выслушиваемъ *ламентации*, и *зеленая тоска* начинаетъ душить насъ, *меланхолически* *взирающихъ* на *корректную физіономію* совѣтника, *брезгливо окидывающаго* нашу блузу и наше скромное редакціонное помѣщеніе, откуда летятъ каленныя стрѣлы, дерзновенно тревожація своимъ свистомъ *корректную атмосферу кабинетовъ питерскихъ олимпійцевъ*».

Написавъ такую безграмотную чепуху, г. Полтавецъ имѣетъ наивность утверждать, что «это народъ говорить» и что все это пишется *исключительно* для сбраго русскаго мужика! Грустно, тяжело становится на душѣ при мысли, во что превратится русскій языкъ Тургенева и Гончарова черезъ нѣсколько лѣтъ, когда Полтавцы, Дымовы, Прусаковы, Оэльдоры, В. Азофы, Борухи, Моняки-Алмазовы, окончательно просвѣтятъ русскую деревню своею «зеленою тоскою», «литературною меланхоліею» и «калеными стрѣлами», дерзновенно тревожащими своимъ свистомъ «корректную атмосферу олимпійцевъ». Ну какъ не признать за Полтавцемъ *исключительнаго таланта*, если онъ самъ признается, что его писанія, которыхъ никто изъ образованныхъ людей не читаетъ, тѣмъ не менѣе *тревожатъ* своимъ свистомъ даже олимпійцевъ! Очевидно Полтавецъ придаетъ самое большое значеніе *свисту*. Страшныя декадентскія заклятія и трехъ-этажныя *народныя* ругательства Полтавца, перемѣшанные безъ смысла, безъ счета, безъ цѣли со свистомъ мало понятныхъ иностранныхъ словъ и угрозъ по адресу евреевъ,—напоминаютъ отчасти по своей безграмотности писанія Прусакова, который одно время тоже въ «Русскомъ Знамени» писалъ якобы для народа свои трехсаженныя ругательства до тѣхъ поръ, пока не перешелъ на службу къ Гессеву и Жаркевичу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Профессора и Академія.

Что будетъ дальше съ русскою словесностью? Отчаяніе, досада берутъ при мысли, что полякамъ Бодуэнъ-де-Куртене и Петражицкому дали воспитывать русское юношество и исправлять русскій словарь. Что сдѣлалъ Бодуэнъ изъ словаря Даля—всѣмъ извѣстно; но многіе еще не знаютъ, *на какомъ языкѣ* и какими словами профессоръ Петражицкій читаетъ свои учевыя лекціи. Только въ желтомъ домѣ на одиннадцатой верстѣ можно преподавать такую науку, какую преподаетъ несчастнымъ своимъ слушателямъ польско-выборгскій профессоръ Петербургскаго университета г. Петражицкій. Не касаясь совершенно политическихъ воззрѣній этого печальнаго героя выборгскаго воззванія, нельзя безъ искренняго презрѣнія читать его курсъ, представляющій жалкій бессмысленный наборъ словъ.

«Эмоція представляетъ по своей двойственной раздражительно-моторной природѣ корелятъ двойственной, центростремительной анатомической структуры нервной системы и двойственной раздражительно-моторной физиологической функціи этой системы и прототипъ психической жизни съ двойственнымъ пассивно-активнымъ характеромъ». — «Мотивацію, въ которой дѣйствуютъ акціонныя представленія, возбуждающія апульсивныя и репульсивныя эмоціи, — мы назовемъ *акціонною самодовольствующею мотиваціею*. Эмоціональный же элементъ нормативныхъ переживаній въ специфическихъ притягательныхъ или отталкивающихъ импульсіяхъ — мы назовемъ *эстетическими импульсіями и репульсіями*»...

Не правда ли, какъ гордо звучитъ это — «мы назовемъ»... Но если теперь я спрошу кого-нибудь изъ читателей, что называетъ профессоръ Петражицкій «акціонною мотиваціею» и «эстетическими репульсіями», то навѣрное никто не въ состояніи будетъ повторить этотъ ученый бредъ; но

вѣдь русскимъ студентамъ приходится заучивать наизусть эту галматью, и если они не сумѣютъ повторить на экзаменѣ, что разумѣетъ подѣ правомъ профессоръ Петражицкій, то они получаютъ неудовлетворительную отмѣтку. А выборгскій профессоръ, одержимый бредомъ безсмысленнаго словонизверженія, разумѣетъ подѣ правомъ не болѣе и не менѣе, какъ «этическія переживанія эмоцій, которыя имѣютъ атрибутивный характеръ». Въ довершеніе всей этой чепухи профессоръ заявляетъ, что «правовыя моторныя возбужденія и императивно-атрибутивные эмоціи обладаютъ высшимъ ореоломъ и священнымъ авторитетомъ».

Какъ дико слушать *подобную обновленную науку* тѣмъ ученикамъ знаменитаго профессора Пахмана, которые еще помнятъ, какъ коротко и ясно опредѣлялъ профессоръ Пахманъ науку права: «*право—это мѣра общественной свободы*».

Конечно, отдѣльные даровитые люди еще долго будутъ въ состояніи сохранить чистоту русской рѣчи, но народныя массы постепенно будутъ утрачивать всякое представленіе о томъ, какъ не надо говорить. *Уже теперь языкъ петербургскихъ аристократовъ столь же похожъ на языкъ графа Алексѣя Толстого и И. С. Тургенева, какъ прогнившій огурецъ похожъ на свѣжій персикъ...* О купеческомъ сословіи, среднемъ классѣ чиновничества и о приказчикахъ нечего даже и упоминать: все это въ большинствѣ случаевъ люди, питающіе свои мозги только газетною дребеденью. Не лучше впрочемъ положеніе русской учащейся молодежи.

Наука красиво говорить вовсе не преподается въ нашихъ университетахъ. А чтеніе по запискамъ не способствуетъ развитію среди студентовъ краснорѣчія, тѣмъ болѣе, что многіе профессора даже въ своихъ обработанныхъ для печати трудахъ выражаются такимъ ужаснымъ языкомъ, отъ котораго нельзя не притти въ отчаяніе. Въмѣсто простыхъ общепонятныхъ русскихъ словъ и выраженій, лекціи ихъ нестрѣютъ отъ набора иностранныхъ словъ, повторяемыхъ иногда безъ всякой нужды по нѣсколько разъ, и мысль, которую хорошій ораторъ сумѣлъ бы ясно выразить въ немногихъ словахъ, у нихъ растягивается на цѣлыя страницы.

Какое, напримѣръ, смущеніе могутъ вызвать въ слушателяхъ нижеслѣдующіе перлы краснорѣчія г. Карѣева:—«что существуетъ и чего не существуетъ, что въ существовавшемъ, существующемъ и имѣющемъ существовать возможно или невозможно, должно быть или быть не должно, что можетъ стать предметомъ точнаго знанія и чему приходится оставаться предметами предположеній, гаданій, чаяній и вѣрованій, что подлежитъ доказыванію и опроверженію и что, наоборотъ, не можетъ быть ни доказано, ни опровергнуто».

Даже туманный слогъ Гегеля, надъ которымъ такъ ѣдко издѣвался Шопенгауеръ, проще и яснѣе этого слога, которымъ профессоръ Карѣевъ написалъ свои «Письма къ учащейся молодежи». И, не взирая на этотъ недостатокъ, письма его разошлись въ количествѣ семи издавій. Бѣдная учащаяся молодежь! Какъ сильна въ ней потребность къ живому слову, если даже отчаянный слогъ не отвращаетъ ея отъ сочиненій пныхъ профессоровъ, не понимающихъ, что пора, наконецъ, начать писать научныя сочиненія на такомъ же чистомъ русскомъ языкѣ, какимъ пользовался для своихъ безсмертныхъ твореній Пушкинъ, Тургеневъ, Гончаровъ и другіе выдающіеся русскіе писатели! Искусство владѣть роднымъ языкомъ.